

ПОМОГИ СЕБЕ САМ

Максим злился. Соня чувствовала колкую, хрусткую взвесь, расходящуюся от любого его движения. Стоило Максиму сделать вдох или неловко вытянуть ноги в тесноте такси, как в воздух поднималась новая волна злых частиц. Они опускались на голые запястья Сони, на щеки и влажную от пота шею. Соня ежилась, смахивала их, обтирала ладони о кожаное сиденье.

— Тошнит? — спросил Максим самым своим ровным голосом. — Может, окно откроешь?

Точно, окно. В щелочку тут же проник ночной прохладный воздух и начал старательно циркулировать: остудил Сонину шею, вынес наружу дисперсную смесь, выделяемую каждой порой раздраженного Максима. Стало полегче.

Ее деньрожденная вечеринка оказалась куда масштабнее, чем Соня планировала. Понаприехало старых знакомых, коллег со всех проектов, дальних подружек и их новеньких парней, имен которых Соня даже не пыталась запомнить. Сначала было неловко, потом стало весело и очень пьяно, но Соня быстро поняла: еще пять минут в этом ресторане, который Максим забронировал

целиком, чтобы ее порадовать, — и она закричит. Пришлось срочно сворачивать танцы, извиняться, собирать цветы по вазам и вызывать всем такси.

Ну как «пришлось»? Пока Максим занимался этой суетой, Соня заперлась в туалете и стояла там, прижав холодные и мокрые ладони к горячему и сухому лбу. А теперь они ехали домой, и Максим справедливо злился — столько усилий, столько денег. Она ведь сама решила отпраздновать тридцатилетие не дома, как привыкли, а чтобы праздник, понимаешь, Максим, хочется праздника. Праздника, может, и хотелось, но ограничено по времени. И так, чтобы он не бил по ушам. Соня проверила, надежно ли пристегнута, закрыла глаза и откинулась затылком на подголовник.

Это ее и спасло.

В отчете ДПС потом написали: 11 июля 2025 года в 22 часа 47 минут водитель автомобиля KIA K5, государственный регистрационный номер A734MP77, двигаясь по Доброслободской улице в направлении Бауманской улицы, проявил невнимательность, в результате чего допустил столкновение с автомобилем такси Hyundai Sonata, государственный регистрационный номер K512UE77. По показаниям водителя автомобиля KIA K5, Смирнова А. В., 1983 года рождения, в момент движения он почувствовал усталость и на короткое время задремал за рулем.

Далее следовало перечисление последствий дорожно-транспортного происшествия: в результате столкновения автомобилю такси Hyundai Sonata причинены

механические повреждения передней части кузова. Водитель такси, Родимов Н. А., 1990 года рождения, получил ушибы мягких тканей, от госпитализации отказался. Пассажир автомобиля такси Немов М. С., 1987 года рождения, получил трещину ребра, доставлен в медицинское учреждение, состояние удовлетворительное. Пассажирка автомобиля такси Немова С. Д., 1995 года рождения, получила закрытую черепно-мозговую травму, сотрясение головного мозга, госпитализирована.

В заключительной части отчета значилось: обстоятельства дорожно-транспортного происшествия устанавливаются. Проверка по факту ДТП продолжается.

Обо всем этом Соня узнала позже, когда пришла в себя в палате скорпомощного отделения Склифа. Голову ломило, как от чудовищного похмелья. Соня еще подумала: надо же, с трех бокалов игристого никогда так не уносило, может, паленое было? И тут же ее вырвало — Соня свесилась с кровати. Слезы залили глаза, и через них она не сразу разглядела, что на полу не розовый коврик в виде мульташной леопардихи, а медицинская утка. Да и сам пол из приятного паркета вдруг оказался кафельным. И слюна со рвотой течет не на праздничное платье за бешеные тыщи, а на белую больничную ночнушку.

— Софья Дмитриевна, не пугайтесь, вы в отделении скорой помощи, после аварии. Ничего страшного не случилось. Вот, возьмите стакан, он непроливаемый, вам надо попить.

Незнакомый женский голос — вежливый, но не совсем человеческий, как у Алисы из колонки, — пробился через шумную пульсацию в ушах. Вместе с ним Соня уловила мутноватое облако усталости, от которого чуть уловимо пахло гарью.

— Где... Макс?.. Мой муж? — вытолкнула из непослушного рта Соня и тут же снова зашлась рвотой.

Максим сидел в приемном покое. Его уже перебинтовали так, чтобы сломанное ребро не впилося в легкое, и настойчиво просили поехать домой, но он требовал пустить его к жене, вызвать главврача и хотел на хер задушить этого ублюдка таксиста — я видел, вы его в соседнюю палату увезли, я его убью, а потом засужу, поняли? Засужу к чертовой матери.

Через дверь палаты, коридор и еще одну дверь Соня чувствовала, как Максиму больно и стыдно за то, что он Соню не защитил. Вот дурачок, подумала она. Просто случай такой, несчастный, бывает.

Ее как раз перестало выворачивать, когда Максима пустили в палату. Он сразу начал плакать, и Соня от этих слез тоже расквасилась — судорожно хваталась за его руки, шею, прижималась, оттягивая трубки капельницы, а Максим целовал ее в щеки и лоб и все повторял: прости меня, прости меня, прости. Соня барахталась в его вине, как в мутной и теплой воде озера, пока наконец не вынырнула, отстранившись.

— Ты-то при чем, ну? — сказала со всей нежностью, какую мог передать заплетающийся язык. — Сам как?

Максим не успел ответить: в палату зашел врач — высоченный и абсолютно седой. Он внимательно оглядел Соню, потом Максима, потом написанное в папке, которую выудил из широкого кармана своего белого халата. Максим попытался было первым атаковать его вопросами, но был остановлен властным движением плеча.

— Ну что сказать, Софья Дмитриевна, в рубашечке родились, в рубашечке. Пристегнутая, небось, ехала? Умничка! Еще и задремала, наверное? Затылком в подголовник уперлась, от беды и уберегло. Ни хлыстовой травмы шеи, ни переломов — ладно переломов, — разрывов связок нет, тьфу-тьфу-тьфу.

— А что есть? — Максим сжал Сонину руку.

— Чэ-эм-тэ, — протянул врач, не отрываясь от папки. — Легонькая, не пугайтесь. Кровотечений нет, томография чистая. Год сейчас какой? — И уставился на Соню требовательным взглядом.

Она не сразу поняла, что вопрос обращен к ней. От врача расходялось сухое тепло, как от масляного обогревателя, и Соне тут же стало сонно. Но пришлось собраться и ответить — от затянувшейся паузы спокойное тепло начало остывать и прорастать колючими прожилками беспокойства.

— Две тысячи двадцать пятый, одиннадцатое июля. — Соня задумалась. — Или уже двенадцатое?

— Двенадцатое, — поддакнул Максим.

— Вот, двенадцатое. — Соня приподнялась на подушках. — А можно я домой поеду?

— Не можно, — покачал седой головой врач. — За фонариком глазами последите, пожалуйста.

И навис над Соней, размахивая тонкой металлической ручкой с яркой лампочкой на конце.

Домой Соню выписали через три дня. Тошнить ее перестало почти сразу, только немного немел язык и болела шишка на лбу. Максим приезжал дважды в сутки и торчал в палате, пока его не выпроваживали строгие медсестры. Когда за ним закрывалась дверь, эти же медсестры становились потекшими, как забытая под подушкой шоколадка, подмигивали Соне — мол, как с мужиком тебе повезло, а, заботливый, щедрый какой, вон сколько фруктов наташил.

Соня кивала — и правда повезло, — раздавала медсестрам принесенные гостинцы, все равно аппетита не было, зарывалась в подушки и пыталась заснуть. Но как тут спать, если все скорпомощное отделение ощущалось Соней беспокойным искрящимся электрическим разрядом, без конца бьющим то в пол, то в потолок. Чужое «страшно» очень легко становилось ее собственным, Сониным, страшно. И больно. И тяжело. И грустно. И невыносимо так, что хоть вой. Соня зажимала край подушки зубами и тихонько скулила, а на утреннем обходе седой врач разглядывал темные круги под Сониными глазами и качал головой.

— Что-то вы, деточка, совсем у нас зачахли. Анализы хорошие, а вон бледная такая. Не кушаешь, небось? Знаю я вашего брата... Сестру то есть.

От его сетований Соня только еще сильнее потела и просилась домой. В итоге Максим сжалился и забрал ее, оформив решительный отказ от госпитализации. Измученная бесконечным электрическим напряжением, Соня даже вещи толком не смогла собрать: все падало из рук, в глазах темнело, когда Максим вел ее через приемный покой. Но стоило оказаться на улице, как в голове прояснилось. Снаружи был чуть дождливый полдень, пахло цветущей липой и мокрым асфальтом. Пока Максим разбирался с выездом из больничного паркинга, Соня опустила на лавочку и облегченно выдохнула. Рядом с ней сидела девушка лет пятнадцати в удивительного цвета платье — то ли ультрамарин, то ли кобальтовая синь — и кормила налетевших голубей крошкой.

— Это овсянка? — спросила Соня, чтобы стать поближе и к удивительному платью девушки, и к нежности, с которой та подкидывала птицам корм.

— Просо. Не разбухает и не царапается. У голубей вообще удивительно чувствительное пищеварение. Хотите их покормить?

И протянула Соне раскрытый пакет. Так они и сидели, окруженные воркующими голубями, когда за Соней вернулся Максим. Кажется, голуби его не сильно впечатлили, но он вежливо разулыбался, подхватил Соню за локоть и повел к машине.

— Надо тоже купить просо и ходить в парк кормить птиц, — задумчиво проговорила Соня, наблюдая, как

больница скрывается из виду, стоило им выехать с парковки.

— Будешь как из «Один дома», — хмыкнул Максим. — Помнишь, там была тетка сумасшедшая?

От такого сравнения у Сони екнуло в животе и тут же испортилось настроение.

— Она там самая классная была, добрая и понимающая, если ты забыл.

Максим хмыкнул еще разок и перевел разговор на рестораны, в котором можно будет заказать ужин: как раз привезут, пока ты отдохнешь, а я на созвон подключусь — идеальный *тайминг*, да, Сонь? Соня, ты меня слушаешь вообще? Соня смотрела в окно и глотала слезы, причину которых никак не получалось понять. И наэлектризованный клубок, кажется, уезжал из больницы вместе с ней.

Она вообще стала часто плакать без особого повода. То утренний свет из окна покажется слишком прозрачным и холодным, то вода натечет с бортика ванны и коврик промокнет, то макароны разварятся, то в книжке героиня не успеет на поезд в радостную и яркую жизнь. Соня научилась неуместные свои слезы вытирать до того, как их заметит Максим. Но он, конечно, все равно чувствовал, как она с каждым днем все глубже погружается в соленую воду.

— Сонь, у тебя болит что-то? — не выдержал он, когда она в очередной раз спряталась в ванной, чтобы себя не выдать. — Тошнит, да?

Если бы Соня и хотела, все равно не смогла бы ответить. Через тонкие стены их новенькой многоэтажки

до Сони постоянно доносились — нет, не голоса и шаги, а бурлящие потоки чувствований, в которых никак не получалось разобраться. Вот кто-то жгучий от злости пышет ею, как кипящий чайник. Или это не злость, а страсть? Может, он не драться собирается, а поцеловать любимого человека, да так крепко, чтобы одежда сгорела на них обоих? А тоненькая и печальная тоска, доносящаяся откуда-то сбоку, — она про горевание или про отпускание? И есть ли в этом особая разница? А страх, леденящий пол под ногами у Сони, — он ее собственный или наружный? И не сошла ли с ума эта самая Соня?

— Сонь, ты меня пугаешь пиздец, открывай! — не унимался Максим.

Пришлось открыть дверь и застыть на пороге, прижимая к мокрому лицу полотенце.

— Ты беременная, да? — выпалил Максим и весь стал страх, помноженный на предвкушение.

Соня покачала головой — нет, не беременная, может, лучше бы и да, но нет, прости, милый, ты бы очень хотел, но нет, у тебя не беременная жена, а сумасшедшая, как тетка с голубями из фильма.

— Слушай, ну это кошмар какой-то... — пробормотал Максим, притягивая Соню к себе. — Запишись-ка ты к своей Евсеевой, а? Вдруг у нее на сегодня окошко есть? Я бы встречи раскидал и тебя отвез.

Он так крепко ее обнимал, что через повязку на ребрах Соня чувствовала, как бьется у него сердце. Слезы снова защекотали в носу, Соня закинула голову, чтобы они не полились прямо на футболку Максима.

— Запишешься? — переспросил он жалобно.

— Запишусь.

К Евсеевой Соня добралась своим ходом, хотя Максим и правда освободил время от рабочих встреч. Хотелось пройтись одной — на улице было пасмурно и как-то ровно, без резких запахов и звуков, и это казалось редкой удачей. Кабинет Евсеева снимала на втором этаже старого доходного дома с высокими потолками и широкой лестницей. Соня шла, а ее шаги отдавались эхом по всей парадной. Сама Евсеева была безупречна, как и всегда. Мягкий серый костюм, аккуратные золотые серьги, очки в тонкой оправе. Она сидела, сложив руки на коленях, и смотрела на Соню спокойно и без удивления, будто между их встречами и не было длительного перерыва.

— Ну, рассказывайте. — Евсеева легонько улыбнулась. — Как вы?

Соня опустилась в желтое кресло и сразу расслабилась. От Евсеевой не расходились интенсивные волны — ни тревоги, ни раздражения, ни усталости. Может, легкое любопытство. И океан доброжелательности.

— Я — плохо, — сказала Соня и сама удивилась, как легко это слово выскользнуло из нее. — Вернулась тревога. Сильнее, чем обычно. И я все время плачу.

— В последнее время случались дополнительные триггеры? — уточнила Евсеева, не меняя интонации.

Соня кивнула. Рассказывать про саму аварию не хотелось, но Евсеева и не настаивала. Хватило лаконичных аббревиатур — ДТП, ЧМТ, но легкая, три дня — и выписали.

— Плаксивость, — продолжила Соня. — И ощущение, что я все время... на взводе. Как будто не могу расслабиться. Хотя все нормально. Ну, фактически же нормально, да?

Она не сказала: *я чувствую чужое*. Не сказала: *иногда мне кажется, что я захлебываюсь в том, что не мое*. Эти слова застряли где-то в трахее — ни откашляться, ни вдохнуть. Евсеева сделала пометку в блокноте.

— Это укладывается в картину вашего тревожного расстройства, — сказала она спокойно. — Авария могла стать катализатором ухудшения состояния. Плюс сотрясение, гормональный фон, накопленная усталость. Все это вполне объяснимо.

Соня снова кивнула.

— Вы сейчас принимаете прежнюю дозировку? — спросила Евсеева.

— Да. Но кажется, она уже не помогает.

— Тогда давайте усилим поддержку. Я бы рекомендовала увеличить дозу и добавить еще один препарат. Он хорошо работает с фоном, снижает чувствительность, сглаживает пики. Вы начнете высыпаться, появятся силы. А через пару месяцев попробуем вернуться к старой схеме.

Снижает чувствительность, — эхом отозвалось в Соне. Она представила, как мир становится чуть более глухим, как звук убавляется решительной евсеевской рукой и только на солнце поблескивает ее аккуратный маникюр. И воцарится тишина. И снова можно будет спать целую ночь, не вскакивая от дурных снов.

И Максим перестанет поглядывать на нее с плохо скрываемым напряжением. Да что там — со страхом, который он прячет за натянутыми улыбками и дурацкими шуточками.

— Это не навсегда, — добавила Евсеева. — Мы посмотрим, как вы будете себя чувствовать. Наша задача — чтобы вам стало легче.

Соня посмотрела на свои руки. На маникюр она давно уже не ходила, зато заусенцы драла безжалостно. Но в кабинете Евсеевой у нее хотя бы перестали дрожать пальцы. Здесь Соня чувствовала себя почти нормально. И решила не уточнять, что порой чувствует себя приемником, настроенным на слишком широкий диапазон.

— Хорошо, — решила Соня. — Давайте попробуем.

Евсеева кивнула, выписала рецепт, аккуратно оторвала листок и протянула Соне.

— Если станет хуже или появятся странные ощущения — сразу пишите, — сказала она. — И договоримся видеться чаще, хотя бы первое время.

Соня взяла рецепт и аккуратно спрятала его в сумку.

— Спасибо, — прошептала она, пряча глаза.

От разговора с Евсеевой остался горьковатый привкус на языке, будто Соня соврала. Нет, не соврала, но умолчала о чем-то радикально важном — и этим обманула. Но Евсеева уже поднялась, чтобы ее проводить.

— Берегите себя, — попросила она на пороге кабинета и закрыла дверь.

А слова о приемнике остались непроговоренными. Соня чувствовала их тяжесть, пока шла в ближайшую

аптеку, покупала таблетки по рецепту и смотрела, как фармацевт ставит на бумажке увесистую печать.

Таблетки Соня начала пить в тот же день — дисциплинированно ставила галочку в треkere привычек, чтобы не было пропусков. Утром — белая капсула, вечером таблетка — маленькая круглая, с риской. Максим тоже поставил напоминания в своем телефоне: когда тот пиликал, он отрывался от ноутбука и приносил Соне стакан воды. Первые сутки ей казалось, что ничего не происходит. Только к вечеру тело стало ватным, словно ее завернули в тяжелое одеяло и придавили сверху еще одним. На второй день Соня уснула на диване на десять минут, как сама себе пообещала, а проснулась через четыре часа, мокрая от пота и с сухостью во рту. Голова шумела странно, будто все это время кто-то неразборчиво шептал ей на ухо. Соня с трудом поднялась, прошлепала босыми ступнями по полу, обняла сидящего за рабочим столом Максима и прижалась горячим лбом к его плечу.

— Отрубилась жутко, — сказала она.

Максим вынул наушник и посмотрел на нее.

— Это же хорошо, да? Спишь, значит, поправляешься.

Соня не была уверена, но кивнула. Его голос звучал слишком уж воодушевленно, и она почувствовала себя больным котом, с которым продолжают играть, лишь бы он не понял, что дело плохо. Соня отлипла от Максима и, шатаясь, пошла на кухню. В раковине стояла чашка с засохшими кофейными разводами, на холодильнике

висел Сонин рабочий планер. В квадратике сегодняшнего дня яркий стикер: **СОЗВОН ПО ПАРТНЕРКЕ В 15:00**, каждое слово подчеркнуто двойной жирной линией. Только вот времени набежало половина пятого. Соня замерла, прижав ладони к лицу, потянулась было к телефону, чтобы срочно начать извиняться перед коллегами, но рука безвольно повисла. Еще год назад она переключалась между рабочими встречами, с трудом успевая найти окошко для обеда. Собирала команды для выездных акций, открывала миллионные сборы и успешно закрывала их, организуя благотворительные фестивали. Но чем громче становился тревожный гул в ее голове, тем меньше сил оставалось на работу. Соня отчаянно хваталась за ускользающие из ее рук ниточки нужности, но ее все реже просили подключиться к работе и все чаще забывали добавить в рассылку. Вот и сейчас Соня не сомневалась, что коллеги разобрались с партнерской программой без ее вялого участия. Она вернулась в комнату, задернула шторы и снова легла на диван.

Сны пришли на третью ночь — вязкие, блеклые, из которых невозможно было вынырнуть, словно Соню бросили в глину. Ей снился коридор, где стены были не из штукатурки, а из слипшихся голосов. Она не смогла бы объяснить, что это значит, но чувствовала: в этих стенах жили слова, не произнесенные вслух, — *поздно, не надо, я не могу, я устала*. Соня пыталась идти быстрее, но ноги не слушались. Сверху тянулись тонкие прозрачные нити, не капли воды, а липкая паутина.

Соня подняла голову и увидела, что потолка нет: вместо него одна только темнота. В ней зияли круглые отверстия, похожие на снятые люки, и из каждого тянуло холодом — чистым и сухим, таким, что ломило зубы. Соня знала: через эти дыры кто-то наблюдает за ней. Тысячи тысяч провалов-глаз следили, как она идет мимо неслучившихся признаний, липнет в них, но все еще идет, пока может идти.

Соня проснулась глубокой ночью. Максим спал рядом на спине, закинув руку за голову, и храпел. Она пихнула его в бок, он перевернулся и затих. Соня прижалась к его горячей спине и сосредоточилась на дыхании. Вдох на четыре счета. Таблетки действительно снижали чувствительность: в голове больше не искрились чужие чувства. Задержка на четыре счета. Но тишина оказалась не благословением, а вакуумом — звенела в ушах, и в нее, как в пустой колодец, падали тяжелые мысли. Выдох на четыре счета. Нужно вспомнить, что лежишь в безопасной постели, с безопасным мужем, в той максимальной безопасности, на которую сейчас вообще можно рассчитывать. Лежишь и дышишь, стараясь не всхлипывать.

На работе все быстро ломалось. Соня не вышла на пару созвонов — просто заснула и даже не услышала будильник. Потом пропустила встречу с партнерами благотворительного фонда: очнулась через час после начала, с отпечатком подушки на щеке и открытым ноутбуком, в котором мигали непрочитанные сообщения. Максим пытался превратить это в шутку, мол,

вот ты и начала оправдывать имя, Сонька, пора менять аватарку на пушистого грызуна с большими глазами. Но Соне было не смешно. Она вытаскивала себя на совещания, путалась, переспрашивала, извинялась, а потом ревела, уже не сдерживаясь.

— Сонь, — сказал наконец Максим. — Может, возьмешь больничный?

Соня стояла у окна, переминаясь с ноги на ногу. Внутри поселилось занудное беспокойство — хотелось двигать ступнями, сгибать колени, вставать, садиться, снова вставать. К вечеру электрический зуд усиливался так, что Соня думала: если бы можно было снять ноги и положить их отдельно, она бы так и сделала.

— У нас не принято брать больничные, — отмахнулась она. — И вообще, со мной ничего ужасного не происходит. Я могу работать. Все нормально.

Получилось слишком резко. Максим поджал губы и отвернулся:

— Хреновая у тебя норма.

Соня вспыхнула, но он был прав. Ее жизнь давно перестала походить на нормальную. Стало стыдно за то, что не справляется, и страшно, что коллеги скоро это поймут и первыми попросят ее уйти. Лучше сделать это самой. Через два дня Соня передала все задачи новенькой девочке с удивительно собранным выражением юного лица, выслушала пожелания скорейшего выздоровления и вышла из рабочих чатов.

Она ждала, что станет легче, но оказалось, что высвободившееся время нечем заполнить, кроме сна

и ленивых наблюдений за тем, как Максим курсирует между кабинетом и кухней, наливая себе кофе. Его сосредоточенность на работе тревожила Соню еще сильнее: осуждает ли он ее за постоянную сонливость и лень? Или беспокоится? А может, она ему просто надоела? Но стоило Соне попытаться настроиться на Максима, почувствовать, что он прячет за непроницаемым лицом, как она натыкалась на липкую стену. А спросить напрямую Соня так и не решилась. Просто не нашла слов.

Через неделю Соня поняла, что надо больше гулять. Голова продолжала звенеть, мысли путались, шумело в ушах. С каждой новой таблеткой она все меньше чувствовала себя собой, но все равно надела кеды, сменила домашнюю футболку на свежую и направилась в сторону парка. На улице было сухо и пыльно. Сквозь мутный воздух слабо пробивались солнечные лучи. Соня прошла мимо магазина и детской площадки, обогнула музейную усадьбу и оказалась у строительной площадки, огороженной красной лентой, — там, где раньше стоял неказистый дом в пять этажей. Соня помнила его: нелепые балкончики с псевдоколоннами, облупившийся фасад, зеленый плющ до окон второго этажа. Теперь дома не было.

Вместо него — строительная техника, ленты, оцепление. Экскаватор, похожий на огромного жука, выгрызал ковшом бетон, поднимая облака пыли. Все вокруг казалось выжженным: трава седая, воздух серый. От руин тянуло запахом мокрой штукатурки, трухлявого дерева, кухонных тряпок и чьей-то давно остывшей жизни.

Соня остановилась у ленты. В оцепенении разглядывала обнаженные комнаты — куски обоев с выцветшими цветами, голый бетон, торчащие трубы, обломки плит, в которых еще угадывались потолки и подоконники. На одном из обрывков стены держался кухонный шкафчик без дверцы, а внутри стояла чашка — целая, кажется, ее просто забыли убрать перед уходом. Между грудами кирпича и пыли валялись вещи, уже не принадлежащие никому: рамка без стекла, кусок линолеума, детская тапка. Соня не могла отвести взгляд от того, как отстраненно все это лежало под открытым небом.

Дышать было трудно. Соня уже почти отвернулась, решила, что возьмет холодного чая и посидит в парке подольше, но вдруг увидела ее — женщину, стоящую прямо на куче битого бетона. Худую, в длинной выцветшей юбке и грязной кофте. Спутанные седые волосы висели как мокрые водоросли, закрывая лицо. Женщина балансировала на строительном мусоре и тянула руки к Соне, настойчиво перебирая пальцами в воздухе. Тот будто дрожал от ее прикосновений. Соня дернулась, чтобы отойти подальше, но ноги не слушались. Знакомая волна — то самое ощущение, которое она пыталась заглушить таблетками, — прорывалась сквозь липкую завесу. Соня шагнула вперед, сама не понимая зачем. Лента висела низко, перешагнуть ее не составило труда. Соня перепрыгнула через бетонную плиту, скользнула мимо торчащей арматуры. Женщина тянулась к ней костлявыми пальцами: еще два шага — и Соня окажется рядом, схватит ее за руку, смахнет

волосы с лица и поймет, почему та кажется ей неуловимо знакомой.

В этот момент из-за кучи мусора вырулил грузовик. Он был так близко, что Соня услышала хруст камешков под шинами. Водитель резко ударил по тормозам — кузов дернулся, Соню обдало пылью.

— Ты охренела?! — заорал рабочий. — Куда прешь, блядь?! Тебя ж размажет!

Соня отшатнулась, сердце ухнуло вниз. Она стояла, прижав ладони к груди, и пыталась понять, где она и что произошло. Женщины на руинах больше не было видно — то ли ее заслонила техника, то ли она просто исчезла, растворилась в серой пыли. Рабочий продолжал ругаться, но Соня уже не слышала слов, только чувствовала его раздражение, смешанное с испугом. Колени дрожали, голова кружилась, как после выпитого залпом бокала вина. Соня позволила вывести себя за ограждение без возражений.

Хотелось пить. Соня перешла дорогу, не утруждая себя поиском пешеходного перехода. Она успела заказать айс-ти с манговыми шариками, когда завибрировал телефон. Наверное, Максим — он совсем ее потерял. Больше звонить было некому. Соня нехотя достала телефон и посмотрела на экран. Внутри что-то тяжело ухнуло: звонила мама. Обычно они обменивались картинками в мессенджере, а созвоны планировали заранее. У Сони редко находилось время на мамину болтовню, но у мамы хватало подружек, чтобы не нагружать дочку регулярными разговорами. Для внеочередных звонков

был всего один повод. Точнее, была. Соня приняла звонок и присела за столик — все равно чай только начали готовить.

— Сонечка, — сказала мама без приветствия, и по ее голосу Соня сразу все поняла. — Скажи, ты давно с Ольгой переписывалась?

Бариста наполнил высокий стакан льдом с желтыми упругими шариками, похожими на мячики-попрыгунчики из детства, и стал поливать их жасминовым чаем. Соне хотелось скорее смыть с языка пыль от снесенного дома и совсем не хотелось вспоминать Ольгу.

— Не знаю... Неделю? Две?

— А можешь проверить?

Соня полезла в мессенджер, но пальцы были непослушными. Последние сообщения от Ольги висели где-то внизу непрочитанными, кажется, она просила денег на новый чемодан, а Соня давно поклялась себе на бытовые ее просьбы не реагировать, к тому же чемодан — не срочная госпитализация, как-нибудь сама накопит. Дата переписки была такой же пыльной, как Сонины тряпичные кеды, особенно неуместные на модной плитке кафе.

— Соня, — мама звучала встревоженно, — мы когда в последний раз с ней созванивались, она говорила, что в поездку собирается. А теперь не отвечает. Телефон все время выключен. Я заехала к ней, но мне никто не открыл... Я так перепугалась, Сонечка.

Соня ждала, что ее накроет страх, но вместо него между ребрами разгорелась злость. С Ольгой опять что-то

случилось, она снова попала в беду, и опять нужно было отложить собственные проблемы, чтобы заняться проблемами сестры. Между прочим, старшей.

— Мам, ну, значит, укатила уже, — сказала Соня. — Ты же ее знаешь.

«Ты же ее знаешь» было главным семейным определением Ольги. А еще: *у нее все не слава богу*. Или: *Ольга, ну как обычно*. Мама всхлипнула — коротко, будто ей не позволяли плакать по-настоящему, и Соне стало стыдно.

— А если с ней что-то случилось? — выдохнула мама. — Не могла же она просто уехать и даже не сказать, когда возвращается?

Могла, подумала Соня. И уже так делала. Потом выяснилось, что она влюбилась в алкаша-музыканта и поехала за ним в тур, закончившийся в ночлежке под Петербургом. Соня не стала об этом напоминать. Она забрала готовый чай, кивнула баристе, сделала глоток и поморщилась — слишком кислый.

— Хорошо, мам. Давай поищем Ольгу вместе. У меня, кажется, был номер телефона ее работы — попробую узнать, появляется ли она там. Ключи от квартиры у тебя остались? Тогда возьми их и поезжай к Ольге. И позвони мне, когда откроешь дверь. Надеюсь, Ольга не поменяла замки. И не заложила недвижимость в счет чужих долгов...

— Ну что ты такое говоришь? — начала мама, но Соня не стала дослушивать, сбросила звонок и вышла из кафе.

У перекрестка Соня долго ждала зеленый свет, слушая шум стройки, и ей казалось, что под этим шумом есть другой — низкий, почти неразличимый гул. Она еще раз оглянулась на руины. На секунду в просвете между двумя экскаваторами ей померещились седые волосы. И рука с длинными худыми пальцами, что тянулись через пылевое облако. Но Соня моргнула, и все исчезло. Уже в лифте она достала телефон, чтобы найти номер салона красоты, где последние полгода работала Ольга. На экране мигало неотложное предупреждение трекера привычек: *вы забыли принять лекарства!*

— Черт, — пробормотала Соня и скрыла уведомление.

Ольги нигде не было. До ночи Соня вызванивала ее коллег — по трем последним местам работы: ПВЗ очередного маркетплейса, «Шоколадница» у метро и салон красоты почти у самого дома, где жила Ольга. В этой квартире — старенькой двушке в доме, построенном в начале восьмидесятых, — Соня прожила первые двенадцать лет своей жизни, а потом познакомилась с Максимом и быстро съехала к нему в соседний район. А там и мама в третий раз решила выйти замуж, так что Ольга стала единоличной владелицей жилья. Ольга — и ворох ее нескончаемых проблем.

Соня как попугай повторяла одни и те же реплики в трубку, и с каждым звонком все больше теряла терпение.

— Добрый вечер, извините за неожиданный звонок, меня зовут Соня Немова, у вас работала моя старшая

сестра Ольга Захарова, помните? Ага. Я никак не могу выйти с ней на связь, может, вы мне поможете? Ага, тоже ничего про нее не слышали? А давно? Ага. Если вдруг она появится, вы не могли бы сразу сообщить? Хорошо, спасибо. Да, на этот номер. Да. Извините за беспокойство. До свидания.

Максим наблюдал за Соней с нарастающим беспокойством, и от этого по комнате разносился вибрирующий гул. Спустя час Соня не выдержала и выпила пропущенную таблетку. Ей стало сонно и глухо — самое то, чтобы сообщить маме: Ольга не появляется на работе уже дней десять — кажется, ее и правда нет в городе.

— Что же нам делать? — спросила мама и начала шумно сморкаться в платочек.

Замки Ольга не поменяла, так что мама без труда зашла в ее квартиру. Все вещи были на месте — телевизор, старенький ноутбук, кофемашина, которую Соня подарила сестре к сорокалетию. В ванной у зеркала была разбросана косметика, словно Ольга спешила на встречу и оставила после себя небольшой бардак. Зимняя одежда в шкафу, немытая посуда после завтрака, две пустые бутылки вина в шкафчике под раковиной. Мама перечисляла все это монотонным голосом, обходя квартиру дочери.

— Даже постель не заправила, представляешь? — Почему-то именно мятые подушки со скинутой на них ночнушкой поразили ее сильнее всего.

— Мам, это все как-то тревожно звучит, — наконец сказала Соня, перехватила испуганный взгляд

Максима. — Думаю, нам надо обратиться в полицию. Я не знаю, что делают в таких случаях... В «Лизу Алерт» еще обязательно надо позвонить.

— Какую Лизу? — не поняла мама.

— Это поисковой отряд. Волонтеры, которые ищут пропавших людей.

Максим пересел на диван поближе к Соне и начал искать контактный номер отряда, а Соня слушала, как мама плачет, стоя в пустой квартире Ольги, и даже завидовала сестре. Больше всего Соне хотелось убежать ото всех подальше. Но, как обычно, она только удерживала свое раздражение, пока Ольга брала и исчезала на самом деле.

На следующий день они уже развешивали объявления о пропаже Ольги по всему району. Белый фон, оранжевая рамка, огромными буквами: «Помогите найти человека», а сверху — фотография Ольги. Куратор поиска попросил выбрать самый актуальный снимок. Но Соня смогла отыскать только кадр из прошлого декабря. Они вместе заехали к маме перед праздниками с подарком, на который Ольга так и не скинулась. Оправдалась срочным сбором для собачьего приюта, но Соня отмахнулась — забей. А потом они втроем пили чай с домашним печеньем и даже не поссорились ни разу. Маме настолько шел платок, который Соня выбрала для нее, что захотелось сделать пару совместных фоток. На одной из них Ольга смотрела прямо в камеру — темные строгие глаза, длинные мягкие волосы, легкая улыбка, свитер с высоким горлом. Соня в который раз удивилась,

как же они не похожи, словно бы в них были только разные отцы и ничего не примешалось от общей мамы.

Теперь вырезанная из этого фото Ольга смотрела на прохожих и требовала внимания. Соня выходила из дома, пешком шла по маршруту двух станций метро и оказывалась среди стареньких хрущевок, высоких деревьев и милых двориков, как с картинок Москвы времен восьмидесятых. Строгий взгляд Ольги разрезал пространство, Соня шла мимо плакатов о поиске, и ноги начинали заплетаться. Ей самой хотелось сорвать объявления, чтобы Ольга больше не смогла следить за сестрой с фотографии.

— Предположу, что это все-таки чувство вины, а не рациональный страх, как думаете? — спросила Евсеева, когда Соня пришла к ней на прием после очередной бессонной ночи.

— Я думаю, что моя сестра пропала, и я схожу с ума от тревоги за нее.

Евсеева покивала, но задумчиво, и Соня приготовилась к контраргументам.

— Возможно, я сейчас захожу на территорию фрустрации, — начала Евсеева, поправляя очки. — Но мне видится важным подчеркнуть, что на сегодняшней сессии мы говорили о том, как вам сложно поддерживать маму и контейнировать ее переживания, как вас триггерят объявления о пропаже сестры, но при этом вы постоянно возвращаетесь туда, где они развешены. Все это, — Евсеева слегка улыбнулась Соне, — видится мне абсолютно валидными переживаниями. Но важно

заметить, что при этом вы не говорите о страхе за судьбу вашей сестры...

Соня сжала подлокотники кресла, щеки тут же вспыхнули, пересохло в горле.

— Вы меня стыдите?

— Нет, я вас не стыжу. — Евсеева покачала головой. — Я предлагаю вам отделить ваши собственные переживания от переживаний, навязанных вам представлениями о том, как надо переживать.

Дышать стало полегче, но Соня все равно глянула на стену, где висели часы. До конца приема оставалось пять минут.

— Хорошо, я подумаю об этом, спасибо, — быстро проговорила она и потянулась за сумкой.

— Соня, еще одна рекомендация, если позволите. — Евсеева поднялась, обошла Сонино кресло и принялась ворошить бумаги, разложенные на столе; кажется, Соня первый раз видела ее в движении. — Я предполагаю, что ухудшение вашего состояния может быть связано с некоторой социальной депривацией.

— Депривацией? — Соня взяла телефон, чтобы перевести оплату, смахнула пять непрочитанных сообщений от Максима. — Мне, наоборот, хочется поменьше общаться с людьми.

— Типичный симптом тревожного расстройства, помноженный на неизвестность из-за пропажи близкого родственника. — Евсеева нашла нужную брошюру и вернулась к Соне. — Эту группу поддержки ведет мой коллега, все ее участники проживают схожий с вашим

опыт. — Она помолчала. — Иногда просто рассказать о том, что у вас болит, бывает целительно. Поверьте мне.

Соня спрятала брошюру в сумку и вышла из кабинета, сдерживаясь, чтобы не сорваться на бег. Ни в какую группу поддержки она, конечно, не собиралась. Она злилась на Евсееву, пока стояла под обжигающим душем. В это время на улице собиралась гроза, и жара стала липкой и плотной, но Соню все равно бил озноб. Она подставляла горячей воде то один бок, то другой, а потом села на дно ванны и обняла себя за колени. От таблеток снова начало мутить — может, потому что она забывала их выпить, потом вспоминала и пила сразу все пропущенные. Мутная голова постоянно клонилась задремать, Соня барахталась в сбивчивых мыслях, не могла ни за что зацепиться. А тут еще идиотская группа помощи! Сидят там и сопли на кулаки наматывают: о, я вас так понимаю, о, мне это так откликается, боже, со мной происходит точно такое же говно. Соня сплюнула, вода унесла слюну в слив.

В двери завозились ключом, и в прихожую зашел Максим, потоптался в коридоре, ушел в кабинет, наверное, открыл ноут и проверил почту. Соня почувствовала его усталость и тревогу, зажмурилась и опустила голову под струю, бьющую из крана.

— Соня! — донеслось через шум внутри и снаружи. — Сонь, я найду?

Пришлось выключать воду, отодвигать шторку, еще крепче прижиматься животом и грудью к коленям. Максим зашел в ванную и сел прямо на коврик рядом с ней.

Соня потянулась и провела мокрыми пальцами по его щеке — от усталости он был будто пыльный. Всю *коммуникацию* со следователем по заявлению о пропаже Максим взял на себя. И контроль за бурной деятельностью, которую развернула мама вместе с поисковиками, — тоже. Сказал: давай я позабочусь обо всем этом, а ты позаботишься о себе, хорошо? И Соня согласилась, потому что ее накрывала паника от одной только мысли, что придется идти в отделение полиции.

— Есть новости? — спросила Соня, чувствуя, как стремительно к ней возвращается озноб.

— Ага.

Максим поймал ее руку, прижал к своим губам, посидел так немного, но от ее разгоряченной кожи у него быстро запотели очки, которые он иногда надевал, сидя за компьютером. Пришлось вытирать их краем футболки. Пока он возился, Соня старательно и глубоко дышала, не давая панике снова утащить ее на шершавое дно. Наконец Максим выпрямился и сказал:

— Короче, по заявлению нашему подняли базы с продаж билетов и нашли, что Ольга покупала два в Стамбул на двадцатое июля. Один на свое имя, второй — на еще какое-то, тут пока без подробностей. Я только по Ольге инфу выбивал полдня, пришлось маму твою в отделение притащить, она им такой концерт устроила, ты бы видела... Короче, она, скорее всего, улетела из страны с каким-нибудь мужиком очередным, как и собиралась. А вам отзвониться забыла. Вот.